

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ТРЕТІЙ.

Проз. 50

1889.

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1889.

Султаны Кенисара и Садыкъ.

Намъ прислана изъ Ташкента книга, изданная областнымъ статистическимъ комитетомъ, подъ заглавіемъ: „Султаны Кенисара и Садыкъ“. Это біографическіе очерки двухъ упомянутыхъ киргизскихъ знаменитостей отца и сына, враждовавшихъ въ свое время противу Россіи. Біографіи эти составлены султаномъ Ахметомъ, сыномъ Кенисары и роднымъ братомъ Садыка, переведены на русскій языкъ и обработаны для печати съ дополненіями Е. Т. Смирновымъ.

Повѣствованіе султана Ахмета можетъ имѣть нѣкоторый интересъ только въ томъ отношеніи, что представляетъ собою образчикъ простодушной наивности кочевника, желающаго возвеличить своихъ родныхъ героевъ. По своей простотѣ и наивности оно напоминаетъ древнѣйшія легенды пастушескаго народа.

Начинается разсказъ, конечно, съ родословной: у Аблай хана было 30 сыновей и т. д. Эта родословная, насколько она нужна, составляетъ единственную положительную сторону повѣствованія; все остальное наивная фантазія съ искаженными и преувеличенными фактами въ пользу отца и брата.

Султанъ Кенисара Касымовъ, когда въ степи не было еще ни одного нашего укрѣпленія, имѣя кочевья вдали отъ Оренбурга и Сибири, не признавалъ до самой смерти своей въ 1844 году русской власти надъ собою. Независимость свою онъ выражалъ всегда однимъ и тѣмъ же способомъ: грабежемъ и угономъ скота у подвластныхъ намъ киргизъ. Въ теченіе

около 10 лѣтъ вражды его противу насъ, единственнымъ успѣхомъ, которымъ онъ могъ бы похвалиться, это было нечаянное нападеніе съ нѣсколькими тысячами всадниковъ на станицу Екатерининскую, гдѣ ему удалось сжечь нѣсколько хатъ, находившихся внѣ станичнаго окопа, и взять въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ.

Легкіе отряды наши всегда, когда наступали его, наносили ему пораженія.

Желая подчинить себѣ кара-киргизъ, онъ двинулся за ними въ горы, далъ себя окружить и, взятый въ плѣнъ, преданъ побѣдителями мучительной смерти, вмѣстѣ со всѣми своими сподвижниками.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, со стороны Сибири и Оренбурга выдвинуты были укрѣпленія наши въ глубь степи, и вся большая орда, вмѣстѣ съ сыновьями Кенисары, подчинились русской власти за исключеніемъ одного Садыка, ушедшаго въ Коканъ. Оттуда онъ дѣлалъ набѣги на нашихъ киргизъ, но простору было меньше, и набѣги эти по размѣрамъ своимъ далеко уступали набѣгамъ его отца.

Во время завоеванія мною Ташкентской области, онъ былъ, конечно, на сторонѣ кокандцевъ, но ничѣмъ не заявилъ себя.

Я узналъ имя Садыка только послѣ смерти предводителя кокандцевъ муллы Алимкула, смертельно раненаго въ бою 9-го мая 1865 г., когда Садыкъ былъ избранъ начальникомъ обороны Ташкента. Здѣсь онъ не выказалъ особенныхъ военныхъ способностей и легко поддался на самый простой мой маневръ. Чтобы развлечь его вниманіе, я переходилъ съ отрядомъ съ мѣста на мѣсто вокругъ стѣнъ, имѣвшихъ около 24 верстъ протяженія. Вмѣсто того, чтобы расположить по стѣнамъ часть своихъ войскъ и орудій (пятнадцать тысячъ кокандцевъ и 60 орудій), а остальные держать въ резервѣ, онъ рассыпалъ по всей длинѣ стѣны всѣ войска и пушки, что дало мнѣ возможность легко прорвать слабую линію и взять ее во фланги и тылъ.

Вообще, обѣ эти личности Кенисара и его сынъ Садыкъ могутъ считаться батырями (богатырями) у такого младенческаго народа, какъ киргизы, но дѣянія ихъ такъ невелики, что біографіи ихъ, даже въ раскрашенномъ видѣ, не даютъ никакого матеріала для описанія распространенія нашего господства въ средней Азіи.

Скажемъ, здѣсь, кстати, что слово батырь, равно какъ и ауліе (святой), имѣютъ у киргизъ весьма растяжимое значеніе

и составляют почти синонимы, тогда какъ у насъ эти два понятія почти никогда не совмѣщаются.

Киргизскій святой Азретъ султанъ, на поклоненіе которому стекается масса богомольцевъ, есть олицетвореніе физической силы. Каменный гробъ, гдѣ находятся его останки, превосходить двойной ростъ человѣка, а бунчукъ, поставленный у гроба, имѣетъ древко, размѣрами съ порядочное бревно. Также точно со словомъ батыръ не всегда соединяется у нихъ понятіе объ удалствѣ и военной доблести, такъ, напримѣръ, одинъ изъ батырей имѣлъ голосъ, слышный за 10 верстъ, другой — выпивалъ въ день по нѣскольку ведеръ кумысу и съѣдалъ сразу цѣлаго барана и даже годовалаго жеребенка. Поэтому, можно также прослыть батыремъ, напримѣръ, за способность дѣлать верхомъ по 150—200 верстъ нѣсколько дней сряду, хотя бы изъ этого продолжительнаго сидѣнья на лошади ничего путнаго никогда не выходило, какъ напримѣръ, у Садыка. Кенисара и Садыкъ дѣйствительно дѣлали дальніе и быстрые набѣды, но набѣды эти никакого вліянія на ходъ дѣлъ не оказывали и ущерба русскимъ не наносили.

Въ набѣгахъ этихъ было больше театральнаго шума, чѣмъ настоящаго удалства и практическихъ результатовъ.

Вообще, слова батыръ и аулие выражаютъ у киргизъ понятіе о человѣкѣ, одаренномъ отъ Бога качествами, не присущими обыкновеннымъ людямъ.

Гораздо интереснѣе вторая половина книги Е. Т. Смирнова, состоящая изъ приложений, извлеченныхъ изъ Туркестанскихъ архивовъ. Эти приложения заключаютъ въ себѣ донесенія начальниковъ отрядовъ объ различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ въ средней Азіи при покореніи Туркестанскаго края ¹⁾.

¹⁾ Изъ этихъ донесеній можно усмотрѣть, съ какими малыми средствами предпринято было нами занятіе культурной полосы средней Азіи. Весьма желательно было бы, чтобы Туркестанскій статистическій комитетъ не остановился печатаніемъ этихъ документовъ. Тогда представилась бы полная картина, какъ постепенно и почему именно увеличивались тамъ наши военныя силы, а вмѣстѣ къ тѣмъ какъ росла и стоимость послѣдующихъ приобрѣтеній. Такъ, напримѣръ, присоединеніе всей Ташкентской области, какъ намъ извѣстно (за исключеніемъ города Туркестана), сдѣлано было 2.000 человѣкъ и обошлось двѣсти тридцать пять тысячъ рублей. Тогда какъ противу маленькой Хивы двинуты были войска съ трехъ концовъ: со стороны Ташкента, Оренбурга и Кавказа, и экспедиція стоила около 6.000.000 рублей, а взятіе Геокъ-Тене обошлось уже 18.000.000 рублей, не считая строившейся для облегченія экспедиціи желѣзной дороги.

Возьмемъ для примѣра „Бой подъ Акбулакомъ“, гдѣ генеральнаго штаба капитанъ Мейеръ съ отрядомъ въ 300 чел., при 3 орудіяхъ и ракетномъ станкѣ наткнулся на 10—12 тысячное скопище муллы Алимкула, былъ окруженъ и отбитъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ занятой имъ мѣстности.

Капитанъ Мейеръ доноситъ 17 іюля 1864 г. за № 60.

„Густыя толпы конныхъ и пѣшихъ кокандцевъ заняли высоты и скоро начали спускаться внизъ, осыпая насъ фальконетными и ружейными пулями. Съ начала утра мы занялись устройствомъ прикрытія изъ имѣвшихся у насъ тяжестей и провіанта, размѣстивъ орудія по угламъ каре, а въ одинъ уголъ, къ которому небольшіе барханы подходили особенно близко, поставили, кромѣ того, ракетный станокъ. Изъ фасовъ каре одинъ, занятый казаками, былъ прикрытъ мокрымъ рвомъ, а около двухъ другихъ пролегали небольшія сухія канавки. Еще до занятія позиціи кокандцами, я распорядился сдѣлать фуражировку и собрать сѣно и солому для корма скота, что было успѣшно исполнено въ виду непріятеля есауломъ Савинымъ, равно какъ запрудилъ канаву, чтобы сохранить начавшую убывать воду.

„Въ такомъ положеніи находился отрядъ, когда со всѣхъ сторонъ бросились на него толпы непріятеля. Сперва мы встрѣтили ихъ гранатами и ядрами, а потомъ картечью и ружейнымъ огнемъ. Натискъ былъ отбитъ, но кокандскіе стрѣлки засѣли въ неровной мѣстности и завязали съ нами весьма живую перестрѣлку. Чтобы прекратить ее, охотники изъ линейныхъ войскъ и изъ казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Овчинникова и хорунжаго Павлова, бросились на *при* и выбили стрѣлковъ изъ ближайшихъ овраговъ. Этому наступательному движенію много способствовало то обстоятельство, что кокандская кавалерія, бросившись на выручку своихъ стрѣлковъ, попала подъ огонь орудій. Нижніе чины такъ ожесточились, что не было никакой возможности воротить ихъ ни голосомъ, ни сигналами; наконецъ, хорунжій Бороздна самъ вызвался идти одинъ догонять цѣпь, чтобы отозвать ее, что исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, такъ что мы не потеряли ни одного человека. На другомъ фасѣ кокандскіе стрѣлки почти также беспокоили насъ своими выстрѣлами; охотники съ тѣмъ же хорунжимъ Павловымъ и здѣсь выгнали ихъ изъ рва штыками, но при обратномъ движеніи былъ раненъ одинъ казакъ. Эти два наступательныя покушенія съ нашей стороны освободили

дили насъ на весь день отъ непріятельской стрѣльбы на близкомъ разстояніи, но за то высоты и дальніе рвы были заняты фальконетами и крѣпостными ружьями, поддерживавшими немолкаемый огонь.

„Послѣ полудня, кокадцы поставили три орудія на высотахъ, и первый снарядъ, пролетѣвшій черезъ нашъ лагерь, произвелъ поражающее моральное впечатлѣніе: его взорвало, и всѣ увидѣли, что мы имѣли дѣло съ непріателемъ, какого Сыръ-Дарьинскія войска еще не встрѣчали. Тотчасъ мы начали принимать мѣры къ улучшенію нашего прикрытія, сняли сѣдла съ верблюдовъ и самихъ этихъ животныхъ положили снаружи, а убитый скотъ и вообще все, что попало, врывали въ возводимый нами брустверъ. Хотя вскорѣ прапорщику Тиханову удалось заставить замолчать одно орудіе, но гранаты непріателя ложились и рвались весьма удачно; сбить же орудій, по высокому ихъ положенію, и сберегая наши снаряды, не было никакой возможности. Угрожавшая явная опасность отъ пожара побудила сотника Крымова, не смотря на усиленный огонь непріателя, принять мѣры къ скрытію зарядныхъ ящиковъ, снявъ ихъ съ колесъ и зарывъ по возможности въ землю. Для исполненія этихъ работъ и устройства бруствера и траншей у насъ имѣлось во всемъ лагерѣ 8 лопатъ (изъ коихъ четыре негодныхъ) и 4 мотыги. Падшій отъ гранатъ скотъ послужилъ намъ въ пользу: его укладывали рядами для составленія закрытія нашихъ стрѣлковъ и казаковъ. Трудность положенія вызвала необыкновенныя мѣры: мы закладывали въ брустверъ даже нашихъ убитыхъ.

„Къ вечеру непріатель прекратилъ артиллерійскій огонь, но тревожилъ насъ до наступленія темноты своими ружейными и фальконетными выстрѣлами. Потеря наша въ этотъ день была весьма значительна людьми, и, кромѣ того, ракетный станокъ пробить гранатою, но солдаты не унывали, и, по совету подпоручика Сукорко, въ теченіе всей ночи рыли землю штыками, тесаками, а болѣе всего руками. Ночь прошла безъ покушеній со стороны непріателя, и къ утру нашъ маленькій лагерь былъ обнесенъ небольшимъ валомъ, и орудія стрѣляли черезъ банкъ.

„Съ разсвѣтомъ, 15 числа, очевидно стало, что непріатель хочетъ сдѣлать рѣшительный приступъ. Онъ вскорѣ открылъ огонь изъ орудій, но неудачнѣе перваго дня: гранаты рвало слишкомъ рано, серьезнаго вреда онѣ намъ не нанесли, такъ

что пальба прекратилась. Вслѣдъ за этимъ стрѣлки его начали опять занимать рвы и неровности передъ лагеремъ, а противъ одного изъ фасовъ сгруппировались сарбазы (иначе кызыль-баши, гвардія) числомъ около 500 челов. съ четырьмя значками. Появленіе этого правильно организованнаго, однообразно и красиво одѣтаго и совершенно обученнаго войска, произвело замѣтное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ. Между тѣмъ во время наступленія кокандцевъ стрѣлки ихъ поддерживали живѣйшій огонь по всему лагерю, и только примѣрное хладнокровіе и спокойствіе нашихъ офицеровъ удерживало солдатъ отъ бесполезной пальбы по скрытому непріятелю. Кавалерія въ то время заняла ближайшія высоты, и очевидно стало, что наступила рѣшительная минута. По всему лагерю строго приказано стрѣлать только въ упоръ, вынуть патроны изъ сумъ и имѣть снаряды у орудій наготовѣ. Нѣсколько выстрѣловъ гранатами по лагерю показали намъ моментъ приступа, который дѣйствительно начался со всѣхъ сторонъ съ оглушительнымъ крикомъ. Какъ по командѣ, войска наши выскочили изъ ровиковъ и открыли такой убійственный огонь, что непріятель падалъ кучами; быстрое же дѣйствіе картечью сдѣлало то, что непріятель оставилъ груды труповъ, при чемъ съ нимъ смѣшалось немало и живыхъ, не могшихъ подняться отъ испуга попасть подъ градъ пуль, летѣвшихъ по всѣмъ направленіямъ. Лагерь нашъ около 10 минутъ стоялъ, какъ въ огнѣ, наконецъ кокандцы побѣжали; только сарбазы, хотя и обратились назадъ, но снова заняли углубленія противъ одного изъ фасовъ и продолжали перестрѣлку. Этотъ не очень частый, но мѣткій огонь стоилъ намъ сперва прапорщика Овчинникова, здѣсь вторично раненаго, а потомъ сотрудника его, прапорщика Снѣгоцкаго, раненаго въ то время, когда онъ угонялъ солдатъ не тратить даромъ заряды.

„При отбитіи этого штурма нами взято одно шелковое знамя, одинъ значекъ и нѣкоторое оружіе, которое я роздалъ взявшимъ его нижнимъ чинамъ.

„Не смотря на страшный уронъ, понесенный непріателемъ, выстрѣлы сарбазовъ не давали покоя и вызывали на перестрѣлку, которая была для насъ тѣмъ невыгодна, что заряды надо было беречь до-нельзя. Понимая, что эта пальба имѣетъ единственно цѣлью облегченіе уборки тѣлъ убитыхъ, я предложилъ кокандцамъ прекратить пальбу и убрать своихъ убитыхъ и раненыхъ, что было немедленно ими принято; къ это-

му меня побуждало еще то обстоятельство, что, при настоящей знойной погодѣ, окруженные нашими убитыми животными, мы были бы совершенно не въ состояніи выдержать зловонія отъ такого количества новыхъ труповъ; наконецъ, стоячая вода въ нашей канавѣ, уже принявшая красноватый оттѣнокъ отъ крови, отъ гніенія въ ней убитыхъ, сдѣлалась бы окончательно негодною. Уборкою тѣлъ начальники кокандцевъ воспользовались, чтобы прислать ко мнѣ письмо, которое мой переводчикъ-киргизъ принялъ и вообще перевелъ его невѣрно; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили словесно объяснить причину моего прихода; я отвѣчалъ имъ, какъ видно изъ прилагаемой копии. Къ такому отвѣту побуждало меня много обстоятельствъ: во-первыхъ, небольшое количество оставшейся у меня картечи и зарядовъ, во-вторыхъ, дурное состояніе воды и воздуха, въ третьихъ, значительныя поврежденія, начавшія показываться въ деревянныхъ частяхъ орудій, и наконецъ неприбытіе отряда полковника Черняева.

„Ночь съ 15 на 16 мы употребили для сбора нашей разбросанной и поврежденной клажи и на устройство фуръ для раненныхъ; съ великимъ трудомъ мы собрались къ 9 часу утра и тронулись обратно. Но между тѣмъ стало ясно, что со стороны Чимкента подходит отрядъ полковника Черняева, а потому я рѣшился остановиться на первой позиціи съ водою, куда послѣ полудня прибылъ посланный изъ отряда подполковника Лерхе, шедшаго на соединеніе со мною. Посланный этотъ привезъ мнѣ приказаніе присоединиться къ этимъ войскамъ, что я и исполнилъ въ тотъ же день.

„Лучшимъ доказательствомъ нашей опасности служить параллель между силами и потерей непріятеля и нашей. У кокандцевъ было на полѣ сраженія, по моему исчисленію, 10.000 чел., а по ихъ собственному сознанію—12.000 человѣкъ; потеря ихъ, по ихъ же словамъ, только во время послѣдняго нападенія одними убитыми, была 513 человѣкъ, такъ что общій итогъ выбывшихъ въ эти два дня изъ строя можно полагать до 2.000 челов.; у насъ же было всего съ офицерами и нестроевыми 405 чел.; потеря ранеными: 2 офицера и 37 нижнихъ чиновъ, контуженными 2 офицера и 21 нижній чинъ и убитыми 13 нижнихъ чиновъ; кромѣ этого ранено у насъ 5 киргизъ, т. е. всего 80 человѣкъ“.

Чтобы понять, какимъ образомъ капитанъ Мейеръ очутился съ отрядомъ въ такомъ трудномъ положеніи, мы присоединимъ

съ своей стороны нѣсколько разъясненій, которыя въ свое время я не счелъ удобнымъ помѣстить въ оффиціальномъ донесеніи.

Черезъ нѣсколько дней по взятіи мною штурмомъ крѣпости Ауліета, кокандское правительство, напуганное рѣшительнымъ наступленіемъ нашимъ съ двухъ сторонъ, послѣдствіемъ котораго было взятіе двухъ укрѣпленныхъ городовъ ихъ, объявило газавать (священную войну) и потребовало поголовнаго ополченія всего ханства.

Бухарскій эмиръ, находившійся въ постоянной враждѣ съ Кокандомъ, прислалъ сказать хану, что пока онъ будетъ воевать съ кяфирами, до тѣхъ поръ онъ ничего противу него не предприметь.

Узнавъ отъ вновь принявшихъ наше подданство кара-киргизъ, что въ горахъ противу Ауліета все населеніе вооружается и получило приказаніе идти къ Чимкенту, куда долженъ прибыть малолѣтній ханъ съ правителемъ ханства муллою Алимкуломъ, я немедленно выслалъ отрядъ изъ двухъ ротъ съ двумя горными орудіями подъ начальствомъ подполковника Лерхе, чтобы разсѣять скопище, прежде чѣмъ оно успѣетъ сформироваться и взять аманатовъ. Лерхе быстро исполнилъ порученіе и просилъ разрѣшенія двинуться горами въ Чимкентъ. Но получая ежедневно вовсе неутѣшительныя оттуда свѣдѣнія, я не могъ допустить этого и приказалъ ему вернуться въ Ауліета, за чтò онъ былъ недоволенъ мною, считая меня нерѣшительнымъ. Планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы совмѣстно съ Оренбургскимъ отрядомъ разгромить собиравшееся громадное скопище въ Чимкентѣ. Я увѣдомилъ объ этомъ планѣ полковника Веревкина и просилъ его выслать изъ Туркестана отрядъ къ р. Арысу, къ которой двинулся и самъ съ 6 ротами, сотнею казаковъ и тысячею милиціонеровъ при 10 орудіяхъ.

Между тѣмъ кокандцы, увидя, что большая часть киргизовъ перешла къ намъ, вздумали страхомъ удержать остальныхъ и для этого употребили способъ, практиковавшійся просвѣщенными мореплавателями при усмирении возстанія въ Индіи въ 1857 году. Вызвавъ въ Чимкентъ старшинъ, они главнаго изъ нихъ всѣми уважаемаго восьмидесяти-лѣтняго старика Байзака, обвиняемаго въ сношеніяхъ съ русскими, привязали къ пушкѣ и выстрѣлили ихъ нею. Такая жестокость произвела совершенно противоположное ожидаемому дѣйствіе. Кто только могъ, прикочевалъ подъ защиту нашу, и все просили разрѣшенія поголовно слѣдовать съ нами противъ кокандцевъ.

Я разрѣшилъ идти только тѣмъ, кто имѣетъ оружіе, они продолжали настаивать и когда я спросилъ, чѣмъ же они могутъ помочь намъ?—Крикомъ, отвѣчали они.

На второмъ переходѣ отъ Ауліета я получилъ отъ Вережкина отвѣтъ. Онъ писалъ, что отряда не вылетѣть, такъ какъ нужно строить помѣщенія для отряда на зиму и косить сѣно. Кромѣ того, прибавлялъ онъ, что, по имѣющимся у него достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Чимкентѣ всего нѣсколько сотенъ кокандцевъ, съ которыми я самъ могу справиться, что онъ вовсе не раздѣляетъ моего мнѣнія о необходимости занять Чимкентъ и что на это не имѣетъ предписанія, а еслибы и получилъ такое, то немедленно просилъ бы увольненія отъ командованія отрядомъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого рѣзкаго, недоброжелательнаго отвѣта я хотѣлъ предоставить Вережкина его собственнымъ силамъ и остановилъ отрядъ, но вскорѣ преодолѣлъ себя и пошелъ далѣе. Дойдя до верховьевъ Арыса, я сталъ лагеремъ и отсюда рѣшился выжидать разъясненія обстоятельствъ. Планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы не оттаковать скопищъ, собравшихся у Чимкента, а прикрывать занятую мною страну, въ случаѣ же движенія ихъ на Туркестанъ ударить имъ въ тылъ, чтобы отвлечь часть силъ на себя и облегчить Вережину оборону города съ фанатичнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Оренбургскій отрядъ былъ почти вдвое слабѣе моего, полевой артиллеріи у него вовсе не было, а были только четыре запряженныхъ легкія орудія, снятыя со стѣнъ форта Перовскаго безъ зарядныхъ ящиковъ. Заряды возились на верблюдахъ.

По прибытіи сюда я получилъ свѣдѣнія черезъ киргиза, что правитель ханства мулла Алимкулъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ ханомъ уже прибыли въ Чимкентъ и что всего скопища собралось отъ 20—30 тысячъ, но что оно каждый день увеличивается прибывающими партіями изъ Ташкента и сосѣднихъ съ нимъ горъ. Впереди Чимкента раскинулись два большихъ лагера, но главная масса расположилась за крѣпостью вдоль по обѣимъ сторонамъ рѣчки. Мулла Алимкулъ съ ханомъ заняли помѣщенія въ цитадели. Впереди нашей цѣпи цѣлый день сновали небольшія конныя партіи, но перестрѣлки не затѣвали.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи сюда я былъ разбуженъ ночью гонцомъ съ извѣстіемъ, что просимый мною отрядъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Мейера

выступилъ къ Чимкенту. Почему послѣ столь рѣзкаго отказа просьба была исполнена, я понять не могъ. Узнавъ отъ посланнаго, что онъ отправленъ ко мнѣ по прибытіи отряда на Арысь въ 35—40 верстахъ отъ Чимкента, я сильно былъ обезпокоенъ участію отряда. Немедленно ударивъ тревогу, ночью двинулся я на соединеніе съ Мейеромъ, пославъ ему приказаніе идти ко мнѣ навстрѣчу, прикрываясь рѣкою Арысомъ. Посланный не засталъ уже отряда на Арысѣ, — онъ двинулся очертя голову къ Чимкенту. Ясно видно было, что въ Туркестанѣ по-прежнему считали Чимкентъ пустымъ. Я переправился въ бродъ черезъ рѣку и пошелъ туда же.

Мы нигдѣ не останавливались для ночлега, дѣлая только привалы, пища варилась одинъ разъ съ двойной пропорціей говядины, половину которой брали съ собою. Солдаты шли въ одномъ бѣльѣ съ ружьемъ и сумою.

На одномъ изъ приваловъ еще до разсвѣта, только-что ударили подъемъ, прискакалъ киргизъ, безъ записки, съ извѣстіемъ, что Мейеръ окруженъ и отбивается съ трудомъ. Вскорѣ послышались отдаленные пушечные залпы. Мы стали подавать сигналы выстрѣлами изъ орудій и вмѣстѣ съ тѣмъ съ приказалъ войсковому старшинѣ Катанаеву со всѣми казаками, частью оконченныхъ стрѣлковъ и двумя горными орудіями, рысью двинуться по направленію выстрѣловъ. Степь была ровная, безводная, пыльная. Солнце жгло невыносимо, люди и лошади едва двигались отъ усталости, зноя и жажды.

Часа черезъ два послышались выстрѣлы Катанаева, а вслѣдъ за тѣмъ примчался киргизъ съ извѣстіемъ, что его окружили и что онъ спѣшившись отстрѣливается. Я взялъ два конныя орудія, остальную часть конныхъ стрѣлковъ, всю киргизскую милицію, бывшую при отрядѣ, и поскакалъ на помощь Катанаеву. Не сдѣлали мы и десяти верстъ, какъ увидѣли новое скопище, несущееся на насъ изъ Чимкента. Мы въ свою очередь должны были остановиться и спѣшиться.

Когда въ главномъ отрядѣ слышали учащенные мои выстрѣлы, то подполковникъ Лерхе распорядился сбросить со всѣхъ телѣгъ кладъ на дорогу, посадить на нихъ часть стрѣлковой роты и вскачь послать ко мнѣ на помощь. Съ прибывшимъ подкрѣпленіемъ я двинулся впередъ и соединился съ

Катанаевымъ, вслѣдъ затѣмъ подошла стрѣлковая рота, а потомъ и весь остальной отрядъ ¹⁾).

Скопища держались на пушечный выстрѣлъ, и мы безпрепятственно дошли до урочища Коштегермень въ 6—7 верстахъ отъ Чимкента.

Урочище представляло возвышеніе, легкія покатости его къ сторонѣ города были заняты баштанами арбузовъ и дынь, на одномъ склонѣ были густо насажены молодыя тополи, а у подошвы въ одномъ мѣстѣ струился ключъ прозрачной воды, отбѣенный столѣтними ивами. Впереди виднѣлись два большихъ кокандскихъ лагеря на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ.

День склонялся къ вечеру, мы устали до изнеможенія и далѣе двигаться не могли. Пальба со стороны Мейера совершенно затихла, и мы не могли знать, погибъ ли отрядъ его, или съ нашимъ приближеніемъ кокандцы оставили его въ покоѣ.

Оградившись повозками и кѣлями сухарей, разставивши секреты, мы не раздѣваясь легли отдыхать, имѣя зажженные фитили при всѣхъ орудіяхъ.

Съ разсвѣтомъ я отправилъ Лерхе съ половиной отряда отыскивать Мейера. Онъ въ виду нашемъ разогналъ лагерь, стоявшій на пути его, и, не заставъ Мейера на Акбулакѣ, началъ его къ ночи и на другой день къ полдню возвратился къ намъ вмѣстѣ съ Туркестанскимъ отрядомъ.

Къ ихъ приходу мы успѣли окопаться и построить громадный баракъ изъ тополей для раненыхъ туркестанцевъ, которыхъ было около шестидесяти человекъ ²⁾).

Разказы офицеровъ подтвердили, что въ Туркестанѣ были убѣждены въ томъ, что въ Чимкентѣ только нѣсколько сотъ

¹⁾ У Катанаева было убито 12 казаковъ и столько же раненыхъ. Мы взяли тѣла съ собою, чтобы похоронить на ночлегѣ. Не забуду словъ, сказанныхъ при этомъ старикомъ Катанаевымъ: „это не война, а смертоубиство“. Сибирскимъ казакамъ не приходилось до этого случая испытывать самостоятельныхъ серьезныхъ столкновеній, падавшихъ всегда на долю пѣхоты. Безъ нея они посылались только для отбитія скота у киргизовъ, въ наказаніе за ихъ хищничество.

²⁾ Подполковникъ Лерхе былъ отважнымъ и находчивымъ офицеромъ и былъ для меня правою рукою все время, пока находился въ отрядѣ. Ему главнымъ образомъ я обязанъ взятіемъ Чимкента. Къ крайнему моему прискорбію и всего отряда, онъ тяжело былъ раненъ при первомъ неудавшемся штурмѣ Ташкента и уѣхалъ для лѣченія въ Петербургъ. Возвратился онъ къ намъ уже послѣ взятія Ташкента.

человѣкъ гарнизона, объ поголовномъ же вооруженіи кокандцевъ, о прибытіи хана и муллы Алимкула ничего тамъ не было извѣстно. Остальное становится понятнымъ само собою. Туркестанскій отрядъ былъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ и двигался усиленными переходами, чтобы овладѣть Чимкентомъ прежде прибытія сибирцевъ (такъ назывался мой отрядъ, дѣйствовавшій со стороны Сибири). Поэтому, конечно, и увѣдомленіе о выступленіи отряда послано было не изъ Туркестана, а только по прибытіи на Арысь, когда я уже никакъ не могъ бы помѣшать осуществленію вышесказанныхъ надеждъ на побѣду.

Въ виду громадныхъ полчищъ, собранныхъ подъ Чимкентомъ, нельзя было и думать объ овладѣніи крѣпостью, но нельзя было также и уйти, ничего не сдѣлавъ. Кокандцы приписали бы наше отступленіе тому, что они сильнѣе, и не оставили бы насъ и киргизъ нашихъ въ покоѣ. Поэтому я рѣшился сдѣлать движеніе къ стѣнамъ Чимкента, чтобы вызвать ихъ въ поле и нанести имъ пораженіе.

Оставивъ Мейера въ окопахъ съ его ранеными и нашимъ обозомъ, я 19 іюля, съ шестью ротами, 8 полевыми и двумя горными орудіями и сотней казаковъ, пошелъ на большой лагерь впереди крѣпости.

Какъ только кокандцы замѣтили насъ, лагерь немедленно былъ убранъ, а взамѣнъ его изъ крѣпости стали выходить массы конницы, строившейся въ правильныя колонны и двигавшіяся къ намъ навстрѣчу. Я построилъ каре, взявъ внутри его казаковъ.

Подойдя на пушечный выстрѣлъ къ стѣнамъ, я выдвинулъ 4 баттарейныя орудія и открылъ огонь по крѣпости, такъ какъ непріятельскія колонны, имѣвшія издали весьма стройный видъ, держались внѣ выстрѣла, стараясь обойти насъ со всѣхъ сторонъ. Изъ крѣпости выдвинули противу насъ восемь орудій. Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался около часу. Кокандцы стрѣляли дурно, потерь у насъ никакихъ не было.

Вдругъ одновременно колонны стали быстро приближаться къ намъ и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, бросились на каре съ необычнымъ визгомъ и крикомъ. Кому не приходилось выдерживать атаку азіатскихъ полчищъ, тотъ не можетъ даже себѣ представить того дѣйствія, которое производятъ

на нервы эти нечеловѣческіе звуки. Только тогда я и понималъ предложеніе киргизъ помогать намъ „крикомъ“.

Мы встрѣтили атаку сначала ядрами и гранатами, а потомъ картечью и ружейными залпами ¹⁾. Орудія не приказано было банить послѣ выстрѣла, заряды положены на землѣ у дула.

Атака была отбита, но на задній фась каре кокандцы налетѣли весьма близко къ строю, такъ что дѣло едва не дошло до штыковъ. Когда дымъ, окутавшій насъ, разсѣялся, мы поражены были потерями, понесенными непріятелемъ. Черезъ часъ кокандцы повторили атаку, но уже несравненно слабѣе и отошли внѣ выстрѣловъ.

Весь бой продолжался часа три. Мы возвратились въ лагерь, не потерявъ ни одного человѣка. Кокандцы не преслѣдовали насъ, а только отдѣльные всадники издали слѣдили за нашимъ движеніемъ до самаго мѣста.

Мы простояли нѣсколько дней. Кокандцы нигдѣ вблизи не показывались, что доказывало, что они упали духомъ, но все же я не рѣшился на этотъ разъ предпринять что-либо серьезное противъ Чимкента и, рассчитывая, что такія громадныя скопища не могутъ долго оставаться въ сборѣ по недостатку продовольствія и для людей, и для лошадей, предпочелъ выждать, пока они разойдутся, и потомъ неожиданно вернуться и овладѣть крѣпостью.

23 іюля я выступилъ съ обоими отрядами по дорогѣ къ Туркестану. Дойдя до р. Арыса, остановился, чтобы прикрыть движеніе Мейера, котораго подкрѣпилъ одною ротою съ двумя горными орудіями. Черезъ сутки по уходѣ его, я пошелъ прямымъ путемъ черезъ Каратаускія горы въ Ауліета, откуда отправилъ донесеніе военному министру объ происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ и просилъ объ установленіи единоначалія надъ двумя отрядами. Получивъ приказаніе принять отъ генерала Веревкина туркестанскій отрядъ и узнавъ, что въ Чимкентѣ оставленъ кокандцами десяти тысячный гарнизонъ при 30 орудіяхъ, а все остальное скопище разошлось по домамъ, я немедленно двинулся соединенными силами и 21 сентября овладѣлъ штурмомъ городомъ и крѣпостью.

М. ЧЕРНЯЕВЪ.

¹⁾ Ружья у насъ были гладкоствольныя, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, имѣвшихъ нарезныя, заряжающіяся съ дула. Пушки также гладкоствольныя, бракованныя послѣ отечественной войны 1812 года.